

ИЦЗИНИСТИКА

А.А. Крушинский

ИДВ РАН

Гексаграммные истоки темы альтернативности в китайской логико-методологической мысли

Проблематика альтернативности¹ – это, можно сказать, «нерв» всей китайской логико-методологической мысли. Достаточно вспомнить пространенную в доциньском Китае практику словопрений (辯 *бянь*) и впечатляющую теоретическую рефлексию относительно этой практики². Очевидна мантическая подоплека проблемы альтернативности, обусловленная самой формой вопросов, с которыми обращались к высшим силам: обычно это были вопросы типа «да?» или «нет?»³. Вот почему в качестве своей пресуппозиции эти вопрошания по необходимости предполагали ситуацию, описываемую такой строгой дизъюнкцией $p \vee q$ ⁴, в которой некоторое утверждение p берется вместе со своим отрицанием $\neg p$ («не- p »), т.е. где $q = \neg p$ ⁵. Тут самое время вспомнить, что именно гексаграммы *И цзина* изначально представляли собой одно из главных средств коммуникации с потусторонним миром, соответственно, долгое время были сакральным инструментом, обеспечивающим обоснованность принятия ответственных решений. Поэтому так важно понять, как «работает» и как осмысляется понятие альтернативности – материализуемое посредством отношения обратности (反 *фань*) – в этом древнейшем памятнике, лежащем в основании синоцентричной цивилизации.

Занимающее нас сейчас понятие альтернативности-дилеммности для гексаграмм проявляет себя прежде всего в контрасте двух несовместимых друг с другом альтернатив, инициирующих два равновозможных, но при этом взаимоисключающих направления развития событий. Позитивная альтернатива располагается в нечетной гексаграммной позиции, а обратная ей негативная – в четной.

Оба члена подобной дилеммы связаны отношением обратности. Следует различать два следующих смысла данного отношения: во-первых, синтаксический и, во-вторых, семантический. Синтаксический аспект

выражается в зеркальной взаимопротивоположности парных объектов и понятий, таких, напр., как образцовый император Яо (堯) и его исторический антипод – примерный тиран Цзе (桀), конфуцианский этический идеал героического «благородного мужа» (君子 *цзюньцзы*) и противостоящий ему антигерой – «мелкий человек» (小人 *сяожэнь*). Это типичные примеры «противоположных полюсов», взаимопределяющих друг друга и образующих бинарную оппозицию, смысловую пару, совокупность которых («большое и малое», «далекое и близкое» и т.п.) образует всю понятийную сетку китайской мысли.

В случае гексаграмм позитивным (т.е. левым) членам двух вышеозначенных оппозиций (а также утверждениям, тем или иным образом в позитивном же ключе развивающим тему образцового Яо или «благородного мужа») стандартно отвечает пятая гексаграммная позиция, а негативным – коррелятивная пятой вторая позиция⁶.

Понятно, что лишь одной из конкурирующих альтернатив суждено претвориться в реальность. Поэтому отношение обратности наряду с синтаксисом имеет и свою семантическую составляющую. Графически семантика обратности выражается посредством заполнения непрерывной чертой той гексаграммной позиции, которая знаменует сбывшуюся альтернативу. Наоборот, позиция, относящаяся к той возможности, которой не посчастливилось стать действительностью, маркируется прерванной чертой. В самом деле, смысл отношения «альтернативности» как раз и состоит в том, что если одна из соперничающих альтернатив истинна, то другая обязана быть ложной, и наоборот.

Заметим, что позитивное значение позиции сохраняется лишь при согласии имени с именуемым (名實合 *мин ши хэ*). В противном случае, т.е. когда «имя не согласуется с поименованной реальностью» (名實不合 *мин ши бу хэ*), значение позитивной позиции, занятой не приличествующей ей негативной (т.е. *иньской*) чертой, меняется на противоположное. Так, например, «пятая девятка»⁷ обозначает совершенномудрого, а «пятая шестерка»⁸ – по причине своей, так сказать, «лжеименности» (она присвоила себе не принадлежащее ей имя!) будет уже мелким человечешкой⁹. Как видим, неуместная в янской позиции *иньская* черта, упраздняя исходное значение пятой позиции, оборачивает его на противоположное.

Итак, различное заполнение одной и той же гексаграммной позиции, когда дело касается персонажей и понятий (таких, напр., как Яо/Цзе и «благородный муж»/«мелкий человек»), ассоциированных с этими позициями, равносильно обращиванию, инверсии ценностных полюсов «добра и зла». Если же речь идет о суждении (т.е. о высказывании, могущем быть истинным или ложным), приуроченном к некоей данной позиции, то в этом случае рассогласованность «звания» (т.е. ценностного значения позиции) с носителем этого звания (четностью черты, занимающей данную позицию) меняет истинностное значение этих суждений на противоположное¹⁰.

Обращение к достаточно прозрачной гексаграммной семантике отношения обратности существенно проясняет исходную мотивацию выбора самого термина 反 – ведь переход от любой данной гексаграммы А к обратной ей гексаграмме Б производится совершенно механически простым переворачиванием гексаграммы А¹¹. Эффект этого элементарного графического преобразования состоит в том, что благодаря такой радикальной перемене чертами своих гексаграммных позиций (то, что было вверху, оказалось внизу, и наоборот) возникает заполнение гексаграммных позиций, в некотором смысле противоположное исходному, – с соответствующими резкими изменениями как в выборе одной из пары взаимоисключающих альтернатив, так и в самом их наборе.

Легче всего отследить занимающие нас сейчас трансформации в сфере альтернативности, порождаемые операцией переворачивания гексаграмм, на тех из них, в которых при переворачивании меняется только взаиморасположение, но не конфигурация образующих их обычных (т.е. несмешанных) триграмм. Поэтому есть смысл приглядеться к паре канонически взаимообратных гексаграмм № 11 泰 (Тай) и № 12 否 (Пи), в частности, сопоставить друг с другом афоризмы к начальным чертам обеих гексаграмм. Имеем: «拔茅茹，以其彙，征吉» (ба мао жу, и ци хуэй, чжэнь цзи) против «拔茅茹，以其彙，貞吉，亨» (ба мао жу, и ци хуэй, чжэнь цзи, хэн)¹². Как видим, афоризм к начальной шестерке гексаграммы № 12 отличается от предложения, привязанной к начальной же позиции гексаграммы № 11 (однако в этом случае уже начальной девятке), фактически лишь по одной позиции¹³: там, где у Тай «поход», у Пи – «стойкость». Это минимальное синтаксическое различие (всего лишь в один знак!) тем не менее сигнализирует об альтернативности-дилеммности сравниваемых друг с другом предложений: если «поход» – это «про(или «вы)движение» (進 цзинь), то «стойкость», согласно стандартному комментарию, говорит здесь как раз о противоположном, означая нежелательность какого бы то ни было «движения вперед» (不可進 бу кэ цзинь) [5, с. 28–29]. Итак, притом что и позиция, и ближайший триграммный контекст обоих высказываний одинаковы, эта пара суждений образует дилемму (движение вперед vs пребывания на своем месте). Вполне очевидно, что причина этой альтернативности – противоположность черт, занимающих данные позиции.

Перейдем теперь к более сложному случаю и займемся тем родом дилемм, который играет ведущую роль в теме альтернативности, как она представлена в гексаграммном символизме. Я имею в виду дилемму, задаваемую отношением «взаимоотклика» (相應 сянь ин) гексаграммных черт противоположной четности, расположенных во взаимокоррелирующих позициях (а именно, в 1-й и 4-й, 2-й и 5-й, 3-й и 6-й), где о выборе той или иной из двух предполагаемых дилеммой альтернатив сигнализирует непрерывная черта, занимающая позицию, ассоциированную с выбранной альтернативой. Здесь, из-за обычного нарушения самой конфигурации триграмм переворачиваемой гексаграммы в ходе ее

переворачивания, отношение обратности теряет ту прозрачность, которой отмечен рассмотренный выше случай взаимобратности гексаграмм № 11 и № 12. Однако с добавлением требования сохранения в гексаграмме Б, позиционируемой в качестве обращения некой данной гексаграммы А, исходного триграммного контекста рассматриваемой первоначально применительно к гексаграмме А дилеммы¹⁴, к отношению обратности возвращается (хотя бы частично) его смысловая транспарентность. Я хочу сказать, что эта версия обратности будет означать тогда смену первоначального выбора из двух конкурирующих друг с другом альтернатив (фиксируемого исходной гексаграммой А) на **противоположный** выбор изображаемой обратной к А (в уточненном мной только что смысле) гексаграммой Б. Проиллюстрирую сказанное двумя, на мой взгляд, наиболее яркими образчиками подобных «рокировок».

Гексаграмма № 4 «Незрелость» (蒙 Мэн) ䷃ представляет собой парадигму процесса обучения – как в его общности, так и в поэтапной расчлененности. Важнейшая черта взаимоотношений учителя и ученика – главных персонажей этого процесса – следующим образом описывается афоризмом к этой гексаграмме: «Неверно, что я ишу юношески незрелого, – юношески незрелый ищет меня» (匪我求童蒙, 童蒙求我 фэй во цю тунмэн, тунмэн цю во) [5, с. 20]. Данный афоризм, согласно ханьским комментаторам, имеет в виду взаимоотношения второй и пятой черт в составе рассматриваемой гексаграммы. Обе черты связаны отношением «взаимоотклика» (о котором говорилось выше), в данном случае конкретизируемым отношением «взаимного поиска» (相求 сян цю).

Причиной именно такой конкретизации отношения «взаимоотклика» второй и пятой позиций является то обстоятельство, что в случае гексаграммы «Незрелость» ䷃ имеет место соположение триграмм ䷁ (Кань – Вода) и ䷂ (Гэнь – Гора). Взаимоотношения же последних – видимо, по аналогии с каноническими взаимоотношениями триграмм Гора и Озеро (䷂ – Дуй) – характеризуется именно понятием «взаимного поиска»¹⁵.

Разбираемый афоризм к гексаграмме № 4 исключительно ценен для целей нашего исследования, во-первых, той эксплицитностью, с которой он паре черт (точнее, паре номеров гексаграммных позиций) ставит в соответствие пару коррелятивных друг другу (т.е. имеющих форму утверждения и отрицания) высказываний (а не просто имен объектов). Во-вторых, тем очень информативным контрастом, который образует данный афоризм с пояснениями гексаграммы № 31 Сочетание (咸 Сянь) ䷞, поскольку изображаемая гексаграммой № 31 ситуация в некотором – очень важном для нас смысле – зеркально симметрична положению дел, изображаемому гексаграммой № 4.

Вначале поясню первый из перечисленных выше пунктов (насчет эксплицитности). Благодаря драгоценной недвусмысленности анализируемого афоризма со всей очевидностью обнажается следующая дилемма, мотивирующая само появление суждений, привязанных к пятой (утвердительное суждение) и, соответственно, ко второй (отрицательное

суждение) позициям гексаграммы № 4: 1) либо учитель ищет ученика¹⁶ (обозначим это утверждение буквой r_5 , где индекс фиксирует номер гексаграммной позиции), 2) либо, наоборот, ученик ищет учителя (т.е. $\neg r_5$)¹⁷, символически $r_5 \vee \neg r_5$. Наличие позитивной (т.е. непрерывной) черты во второй (т.е. негативной) позиции указывает на истинность отрицательного суждения $\neg r_5$, («юношески незрелый ищет меня»)¹⁸. Соответственно, негативная черта, стоящая в пятой (а потому позитивной) позиции, означает ложность утвердительного суждения r_5 (в самом деле – «неверно, что я ищу юношески незрелого»). Другими словами, в гексаграмме № 4 запечатлен выбор второго члена дилеммы: верно, что $\neg r_5$, а потому неверно, что r_5 .

Что касается контраста с гексаграммой № 31, то он важен для нашего анализа тем, что предельно четко высвечивает работу той дизъюнктивной структуры вида $r_5 \vee \neg r_5$, которую образуют те или иные суждения, ассоциируемые с пятой и второй гексаграммными позициями. Гексаграммы № 4 и № 31 схожи друг с другом в том, что «взаимоотклик» (так сказать «резонанс») второй и пятой позиций конкретизируется у них одинаковым образом – в виде отношения «поиска друг друга»¹⁹. Но при этом они разнятся в двух принципиальных моментах. Во-первых, раз вторая и пятая позиции обеих гексаграмм заполнены противоположным образом – там, где у гексаграммы № 4 стоит непрерывная черта, у гексаграммы № 31 стоит прерванная, и наоборот, – то истинностная оценка членов дизъюнкции $r_5 \vee \neg r_5$ также оказывается у них взаимопротивоположной. А именно, если у гексаграммы № 4 истинным был правый дизъюнкт (отрицательное суждение $\neg r_5$), то в случае гексаграммы № 31 истинным оказывается уже левый дизъюнкт (указывающий на положительное высказывание). Во-вторых, они различаются той предметной областью, по отношению к которой формулируются высказывания: в случае гексаграммы № 31 речь идет уже не о взаимоотношениях учителя и ученика, а о сватовстве, т.е. действие разворачивается в матримониальной сфере: ««Сочетание» из *И цзина* показывает взаимоотношения мужа и жены» (易之咸見夫婦 *И чжи Сянь цзянь фуфу*) [3, с. 326].

Соответственно, дилемма, предполагаемая взаимокоррелирующими центральными позициями гексаграммы № 31, сводится к двум следующим альтернативам²⁰: 1) либо жених ищет невесту (обозначим это высказывание буквой s_5) и 2) либо наоборот (т.е. имеет место $\neg s_5$) – невеста ищет жениха. В гексаграмме № 31 ☵ жених изображается нижней триграммой *Гэнь* (☵ – младший сын), а невеста – верхней триграммой *Дуй* (☶ – младшая дочь). Ясно, что эта дилемма, которая символически может быть представлена в виде дизъюнкции $s_5 \vee \neg s_5$, разрешается тут в пользу своего **левого** дизъюнкта s_5 (в Китае, как, наверное, и в большинстве стран, было принято, чтобы во время сватовства жених, а отнюдь не невеста, проявил инициативу), тогда как правый дизъюнкт $\neg s_5$ с необходимостью отвергается.

Зеркальная симметрия, лежащая в основе обсуждаемого сейчас нами контраста, четко осознавалась китайскими учеными как результат различного распределения прерванной и непрерывной черт между второй и пятой гексаграммными позициями. В современной терминологии – различной истинностной оценки одной и той же дизъюнктивной структуры, образуемой номерами двух центральных гексаграммных позиций (т.е. пятерки и двойки). Эта дизъюнктивная структура в зависимости от выбора такой оценки могла получить один из двух следующих взаимоисключающих смыслов: 1) если в пятой позиции стоит непрерывная черта, а во второй – прерванная (как это происходит в гексаграмме № 31), то истинным оказывается утвердительное высказывание, соответствующее пятой позиции (т.е. утверждение об активности жениха в домогательстве невесты), и ложным обратное ему отрицательное высказывание; 2) если же в пятой позиции оказывается прерванная черта, а во второй – непрерывная (как это имеет место в случае гексаграммы № 4), то ситуация оказывается зеркально симметричной предыдущей: ложным тогда становится утвердительное высказывание (вот почему «неверно, что я ищу юношески незрелого»), а истинным – отрицательное («напротив, это он ищет меня»).

Китайский комментатор различает указанные выше два смысла следующим образом: «Когда речь идет об учительстве, тогда вторая [позиция занята] твердой чертой, а пятая – мягкой, чтобы [выразить] взаимоотношения воль²¹. Когда же речь идет о браке, тогда пятая [позиция занята] твердой чертой, а вторая – мягкой, чтобы [выразить идею] сближения на основе ритуала²²» [4, с. 17]. В этом же комментарии замечательно ясно подчеркнуто отношение строгой дизъюнктивности, связывающей оба перечисленных смысла и делающей истинным один, и только один, из членов этой дизъюнкции: «Если вторая [позиция занята] твердой чертой, то пятая [оказывается занятой] мягкой чертой. Если же вторая [позиция занята] мягкой чертой, то пятая позиция [оказывается занятой] твердой чертой» [4, с. 180]. Более того, похоже, что комментатор даже различает здесь два уровня – синтаксический и семантический, – на которых работает анализируемая сейчас дизъюнктивная структура: «вторая и пятая позиции резонируют друг с другом, а твердая и мягкая черты взаимодействуют» [4, с. 180].

Проведенный выше анализ смысловой симметрии между гексаграммами № 4 и № 31 и предложенное мной объяснение глубинных причин этой замечательной симметрии впервые дают разумное объяснение той видимой непоследовательности, которую фиксируют в этом случае китайские комментаторы: если в гексаграмме № 31 *янская* черта (т.е. непрерывная черта, стоящая в пятой позиции этой гексаграммы) стремится к *иньской* черте (т.е. к прерванной черте, занимающей вторую позицию этой гексаграммы), то, как мы уже знаем, в гексаграмме № 4 ситуация оказывается в точности противоположной (там прерванная черта, стоящая в пятой позиции, стремится к непрерывной черте, стоящей во второй позиции).

Эта непоследовательность (то *Ян* стремится к *Инь*, то наоборот) остается в комментаторской традиции без объяснений – дело ограничивается

констатацией наличия двух различных смыслов у одной и той же синтаксической структуры, образуемой второй и пятой гексаграммными позициями. Преимущество же моей трактовки данной неоднозначности состоит, во-первых, в том, что она с помощью понятия истинностной оценки связывает эти внешне обособленные, так сказать «изолированные» друг от друга, смыслы – они оказываются всего лишь теми двумя истинностными значениями, которые вообще может получать рассматриваемая дизъюнктивная структура. Во-вторых, получает естественное объяснение та смена предметной области, при которой речь идет то о взаимоотношениях учителя с учеником, то об общении жениха с невестой. Напомним, что имеет место следующая дизъюнкция: 1) либо я помогаю кого-то, 2) либо этот кто-то помогает меня, символически $p_5 \vee \neg p_5$. В зависимости от истинностной оценки верным будет один, и только один, из этой пары дизъюнктов. Поэтому предметная область, т.е. та область, на которой интерпретируется данная дизъюнкция, должна варьироваться, подстраиваясь под такие противоположные оценки. Ведь, например, в той предметной области (сфера брачных отношений), в которой верен первый дизъюнкт p_5 , будет затруднительно утверждать обратное, т.е. $\neg p_5$, – для этого потребуется уже совсем другая предметная область. В качестве такой реализующей второй дизъюнкт (и проваливающей первый) области как раз и выбирается область педагогики.

Примечания

¹ Точнее, «дилеммности», поскольку обычно рассматриваются ровно две взаимоисключающие альтернативы: позитивная, соотносимая с категорией *Ян* (и потому «правильная», так сказать «лицевая», – 正 *чжэнь*), и негативная, приурочиваемая к категории *Инь* (а потому обратная правильной, так сказать «изнаночная», – 反 *фань*).

² Имеется целый спектр взаимоисключающих подходов к идее альтернативности, пронизывающей древнекитайскую словесную агонистику. Различные точки зрения на альтернативность представлены в таких классических памятниках конфуцианства, как *Луньюй* и *Мэн-цзы*. Они обнаруживаются в произведениях поздних моистов, обсуждаются у *Чжуанцзы* и в других доциньских текстах.

³ «Выступить или нет в военный поход», «вступить или нет в военный союз» и т.п.

⁴ Т.е. парой суждений p и q , связанных друг с другом разделительным союзом «или» («либо–либо»), изображаемым значком \vee .

⁵ Понятие противоречия (когда рассматривается с одной стороны, предложение p , а с другой – его отрицание $\neg p$) применительно к отношению обратности \neg требует некоторых пояснений. Ведь очень часто это отношение, связывающее p с его обращением q , как будто «недотягивает» до отношения противоречия (несовместимости p и q как по истинности, так и по ложности, т.е. когда они не только не могут быть одновременно истинными, но и одновременно ложными) и выглядит всего лишь отношением контрарности (т.е. хотя суждения p и q не могут быть одновременно истинными, но при этом вполне возможна их одновременная

ложность). Однако впечатление неполноты обманчиво: кажущееся отсутствие несовместимости по ложности обеспечивается намеренным сужением универсума рассуждений, оставляющим лишь два исхода, два «рога дилеммы» и тем самым гарантирующим строгую дизъюнктивность связи между p и q : ведь когда кроме p и q в универсуме ничего не осталось, то q поневоле превратится в $\neg p$! Как такое может быть, видно хотя бы на примере оставшегося в веках напутствия спартанки своему сыну, отправлявшемуся на войну. Она вручила ему щит со словами: «с ним или на нем!» (со щитом возвращались победители, на щите приносили павших), игнорируя тем самым весь спектр возможностей, располагающихся между победой и честной смертью в бою. Нетрудно сообразить, что в контексте этого сурового материнского наказа отрицанием высказывания «возвратиться со щитом» (обозначим последнее буквой p) окажется не что иное, как высказывание «возвратиться на щите» (т.е. $\neg p$) – поскольку все объекты, кроме победы или доблестной смерти, бескомпромиссная лакедемонянка просто исключила из рассмотрения! Разумеется, вне данного контекста оба высказывания находятся друг с другом в отношении противоположности и не более того. Назовем такое специально сконструированное (за счет искусственного ограничения числа рассматриваемых случаев) противоречие «контекстуальным» и обратим внимание на китайскую математическую специфику. Последняя состоит в числовом кодировании двух конкурирующих альтернатив четом/нечетом тех взаимокоррелирующих гексаграммных позиций, с которыми проассоциированы данные альтернативы. Такое математическое фундирование (чет и нечет находятся друг с другом в контрадикторном отношении) сообщает логическую строгость контекстуальным противоречиям, в изобилии порождаемым отношением обратности.

⁶ Свидетельства позитивного значения 5-й и негативного (антипод пятой позиции!) значения 2-й гексаграммных позиций содержатся в учении о стоящих и нестоящих позициях черт (爻位贵贱 *яовэй гуйцзянь*), в основание которого положено открывающее *Сицзычжуань* противопоставление «почтенного Неба» «презренной Земле». Это противопоставление стандартно понимается как аксиологическое взаимоотношение 5-й и 2-й гексаграммных позиций.

⁷ Т.е. непрерывная черта, стоящая в пятой позиции.

⁸ Т.е. прерванная черта, стоящая в пятой же позиции.

⁹ См. [2, с. 482].

¹⁰ См., напр., рассуждения *Ван Би* о детерминированности истинности/ложности альтернативных тезисов уместностью/неуместностью гексаграммных черт соответственно. См. [1, с. 243].

¹¹ Единственным предварительным условием осмысленности операции обращения-переворачивания является естественное требование асимметричности переворачиваемой гексаграммы (бессмысленность переворачивания, гексаграмм *Цянь* ☰ или, скажем, *Ли* ☷ самоочевидна).

¹² «Когда тянешь [один стебель] тростника, то [вытягиваешь вместо одного] целый пучок – за компанию. Поход – к счастью» vs «Когда тянешь [один стебель] тростника, то [вытягиваешь вместо одного] целый пучок – за компанию. Стойкость – к счастью. Открытость».

¹³Появлением в афоризме к начальной черте гексаграммы № 12 иероглифа 亨 (хэн – проникновение-открытость), отсутствующим в аналогичном афоризме к гексаграмме № 11, здесь можно пренебречь как ничего принципиально не меняющим в тождестве двух сентенций, несхожих лишь заменой 征 (чжэн – «поход») на 貞 (чжэнь – «стойкость»).

¹⁴Как это имеет место, напр., в гексаграмме № 55 ䷛, трактуемой как «обращение» (т.е. Б) гексаграммы А, где А будет, понятное дело, гексаграммой № 21 ䷂.

¹⁵Согласно *Шогуачжуани*, «Гора и Озеро проникаются энергиями [друг друга]» (山澤通气 шань цзэ тун ци), но из *Вэньяня* к пятой черте гексаграммы *Цянь* известно, что «сходные энергии ищут друг друга» (同氣相求 тун ци сянь цю), вот так и получается, что Гору и Озеро связывает отношение взаимопосиска (см., напр., [4, с. 17]).

¹⁶Здесь местоимение «я» указывает на учителя, а ученик аттестуется как «юношески незрелый» (童蒙 тунмэн).

¹⁷Вторая альтернатива, а именно ситуация, когда «ученик ищет учителя», в силу соображений, высказанных в примечании № 5, равносильна отрицанию первой альтернативы, что и объясняет ее отнесенность ко второй (т.е. негативной) позиции, и заставляет изображать ее в виде следующего отрицательного высказывания: «неверно, что г₅», короче говоря, в виде 7 г₅.

¹⁸Ведь по объясненным в предыдущих сносках причинам отрицательные высказывания не обязаны непременно иметь вид явного грамматического отрицания. Вот и в данном случае в лице высказывания об ученических поисках мы имеем пример контекстуального отрицания.

¹⁹О причинах такого сходства было сказано в сноске № 15.

²⁰Как водится, выражаемых утвердительным (пятая гексаграммная позиция) и отрицательными (вторая позиция) суждениями.

²¹Имеется в виду стремление ученика к учителю и готовность последнего его принять.

²²Имеются в виду социально установленные формы, в которые в традиционном Китае был принято облекать жениховское искательство, т.е. тот детально разработанный ритуал сватовства, в ходе которого жених демонстрирует серьезность своих намерений.

Литература

1. Ван Би. *Чжоу И люэ ли* (Общие правила «Чжоу И») // *Исюэ цзинхуа* (Избранные произведения по ицзинистике). Т. 1. Пекин, 1996.
2. *Ивэй цянь цаоду* (Апокрифический комментарий к *И цзину*) // *Чжунго фаншу гайгуань: буши цзюань* (Обзор тайных искусств Китая: раздел «Мантика»). Пекин, 1993.
3. *Сюнь-цзы цзицзе* (Сюнь-цзы с собранием разъяснений) // *Чжуцзыцзичэн*. Т. 2. Пекин, 1988.
4. Хуэй Дун. *Чжоу И шу* (Изложение [учения] *Чжоу И*). Тяньцзинь, 1989.
5. *Чжоу И чжэньи* (*Чжоу И* в ортодоксальном понимании) // *Шисань цзин чжушу* (Тринадцатиканоние с комментариями и толкованиями). Т. 1. Шанхай, 1935.